

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ



БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ



ЗОЛОТАЯ ПОЛКА



РЯЗАНЬ ∞ 2023

Андрей Васильев



АЛЕКСАНДР СМОЛИН,
ВЕДЬМАК

1

ЧУЖАЯ СИЛА
ЗНАКИ НОЧИ

Романы



ИЗДАТЕЛЬ МИТИН А. С.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44
В19

Художник
Дарья Белова

В19

Васильев А. А.

Чужая сила; Знаки Ночи: Романы. — Рязань: Издатель Митин А. С., 2023. — 720 с.: ил. — (Библиотека приключений и научной фантастики. Золотая полка).

ISBN 978-5-907089-93-8

Что можно получить, совершив доброе дело? Например, благодарность. Или похвалу. А может, просто хорошее настроение? Но это если все пойдет так, как у людей водится. А если нет...

Александр Смолин, обычный московский парень, работающий среднестатистическим клерком в банке, помог вроде бы самому обычному старику, когда тому стало плохо на улице. Правда, помощь запоздала, старик умер. Плохо, конечно, но все мы смертны. Но старик тот возьми да и окажись ведьмаком. А тем перед смертью непременно кому-то свою ведьмачью силу передать надо, вот Смолин и попал под ее раздачу. И тут такое началось... («Чужая сила»).

Всякое действие имеет противодействие, в правоте этого закона в полной мере убедился обычный банковский клерк Александр Смолин. Тот факт, что он смог подчинить себе ведьмачью силу, которая случайно ему досталась, не упростил жизнь, а усложнил ее. Новые друзья, новые враги, новые тайны и загадки — вот что ждет свежеепеченного ведьмака, только-только вступившего на пути мира Ночи («Знаки Ночи»).

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-907089-93-8

© Васильев А. А., 2023
© Белова Д. С., иллюстрации, 2023
© Издатель Митин А. С., 2023



ЧУЖАЯ СИЛА

Все персонажи и события данной книги выдуманы автором.

Все совпадения с реальными лицами, учреждениями, местами, банками, телепроектами и любыми происходившими ранее или происходящими в настоящее время событиями — не более чем случайность. Ну а если нечто подобное случится в ближайшем будущем, то автор данной книги тоже будет ни при чем.

Автор

Глава первая

Спешка — враг всего сущего на земле. Мне это прекрасно известно, поскольку с раннего детства мама и бабушка неустанно повторяли в унисон: «Санечка, если не хочешь никуда опаздывать — учись бережно обращаться со временем. Собирайся заранее, выходи из дома с запасом». И так — изо дня в день, из года в год. Вот только не пошла их наука мне впрок — я все равно не научился искусству приходить куда-то вовремя. То есть — иногда мне это удастся, но какой ценой! Растрепанные волосы, учащенное дыхание и красные щеки — вот обычный результат моих забегов на короткие, средние и длинные дистанции. Как сказал бы мой приятель Павел, я выгляжу так, словно только что кого-то... Ну, вы поняли.

Да кабы так, то еще ничего, мне бы не так обидно было. Это и вспомнить приятно, особенно если женщина была красивая. Да шут с ними, с воспоминаниями, тут даже сам факт того, что красавицу вот так, на ходу, между прочим...

Самооценка до небес взлетит. Проще говоря — это причина, которой можно не стыдиться. А у меня что? Как правило, это поиски свежей или хотя бы не слишком мятой сорочки, а также попытки обнаружить в квартире местонахождение смартфона, вот типовые причины того, почему я всегда опаздываю. Это даже не следствие моей безалаберности, это просто фигня какая-то. Я даже иногда думаю — может, меня кто-то проклял?

И если уж совсем честно — на кой ляд я сдался очень красивой женщине? Кто я такой есть? Среднестатистический клерк со всеми прилагающимися к этой общности людей характерными чертами, то есть — с намечающимся от сидячей работы и сухомятки животиком, зарплатной картой, на которой постоянно нет денег, и перманентно сонными глазами.

Да еще и с дурацкой привычкой везде опаздывать, а особенно на работу. И налетать за это на штрафы.

В довершение всего, недавно у нас на работе турникеты установили, те, к которым личные карточки надо прикладывать. И теперь в начале каждого месяца подводится эдакий баланс — кто на сколько опоздал, кто как часто курить бегал, ну и так далее. Начальник службы безопасности Силуянов лично все проверяет, и в эти дни из глубин третьего этажа нашего здания, из того отсека, где «безопасники» сидят, раздается его демонический смех. Я как-то его слышал, когда к ним документы на визирование относил. Очень страшно. Серьезно.

Впрочем, это рвение легко объяснимо. «Безопасникам» этот турникет надо как-то окупать, и делается это за наш счет. Штрафы — они такие штрафы, и никого они не минуют. А особенно — меня.

Просто мне от службы безопасности перепадает больше, чем остальным. Силуянов меня отчего-то сильно не любит, причем этого даже не скрывает. В чем причина — неизвестно, но факт есть факт. Если к кому-то, вроде Пашки Винокурова из казначейства, он иногда благоволит, закрывая глаза на более-менее несерьезные проколы, то все мои «косяки», даже мельчайшие, непременно актируются и превращаются в служебные записки, которые идут на стол к ру-

ководству. Я иногда уже чихать боюсь, серьезно. А вдруг обвинят в том, что сознательно собираюсь заразить особо злобным вирусом гриппа всех-всех-всех сотрудников нашего банка, а это уже диверсия. Или даже хуже того — теракт. Накатает особо злобную «телегу» председателю правления, выведут меня во внутренний двор и, даже не дав сказать последнего слова, расстреляют. Единственный плюс в этом — попробовать перед словом «Пли!» все-таки высказать этому блюстителю порядка все, что я о нем думаю. Выкрикнуть: «Гад ты плешивый!» и принять в грудь град пуль, а после красиво завалиться на бок, пятная кровью асфальт.

Тьфу, какая чушь в голову лезет сегодня. Хотя — когда о подобной ерунде размышляешь, то дыхание от быстрой ходьбы, почти бега, не так сбивается.

Итак, с самого начала, а то я опять бегу впереди паровоза. Впрочем, это моя отличительная черта — я все время спешу, даже в рассказе о себе. Меня зовут Александр Смолин, я работаю в одном из московских банков в службе финансового мониторинга. Мне двадцать четыре года, я не женат... Уже не женат. Хотя, по здравому размышлению, назвать браком шесть месяцев непрерывных скандалов, первый из которых грянул сразу после росписи, а последний завершился в аккурат после получения свидетельства о расторжении брака, трудновато. Для меня самого загадка — зачем я тогда в ЗАГС направился вообще? Точнее — мы направились. Ведь с самого начала было понятно, что это попытка с негодными средствами. Впрочем, это вопрос, на который ответ не будет дан никогда. Если хотя бы половина мужчин могла ответить на него, то одной извечной тайной бытия стало бы меньше.

Нет, на самом деле все было не так уж и плохо сначала. Мне иногда кажется, что если бы мы со Светкой не завершили «конфетно-букетный» период так стремительно, то все могло бы быть по-другому. Хотя — нет. Ее мама все равно приняла бы деятельное участие во всем происходящем.

Не стану скрывать — процентов на пятьдесят я виню в нашем разводе эту старую... Леди. Думаю, вы поняли, какое слово я имел в виду, да? Там нет никакого носа крючком и седых патл под платком, напротив — Полина Олеговна

очень за собой следит, тратит кучу мужниных денег на процедуры и, подозреваю, даже делала пластику. Но все равно она... Да ведьма она, чего уж.

Ладно, все. Ведь давал же себе слово забыть и о Светке, и о ее мамаше. Что было — то прошло. Как там у нас в корпоративном уставе написано? «Мы команда единомышленников, уверенно смотрящая в будущее». Ну, слово «команда» следует заменить на «террариум», а так все верно. Позитив и уверенность — вот что следует излучать сотруднику преуспевающей компании. Нет-нет, тут никакой иронии, пока все так. Мы даже проверку ЦБ благополучно прошли, по нашим временам это серьезный показатель успешности.

И это, бесспорно, заслуга всего коллектива.

Черт.

Прав был Винокуров, через какое-то время мы все начинаем думать и говорить казенными штампами, фразами из должностных инструкций и рекламных буклетов. Даже в быту. Даже с самими собой. Я думал, он шутит, но похоже, что нет.

Я мчался по Гоголевскому со скоростью чайки, летящей над бушующим морем к берегу, мой «самсонайт» хлопал меня по боку. А может — успею? Что там осталось? Семь минут? Точно успею — сейчас на переход, и вот он, Сивцев Вражек.

Наш славный «СКД-Банк» расположен отменно, это частично компенсирует не самую большую по столичным меркам зарплату, периодическое помешательство высшего руководства, выражающееся в генерировании изначально невыполнимых идей, и придирки Силуянова.

Сивцев Вражек — это очень уютная московская улица, которая умудрилась сохранить свое лицо даже в наше стремительное время. В ней есть какое-то очарование той Москвы, которую теперь все чаще называют «старой», причем имея в виду не восемнадцатый и девятнадцатый век, а середину-конец двадцатого.

Девяностые годы, понятное дело, ее все-таки потрепали, несколько зданий перестали существовать, но все-таки эта улица сумела уцелеть. Вроде вокруг центр, с его круглосу-

точным шумом большого города, слева Остоженка, справа — Новый Арбат, и при этом на Сивцевом Вражке всегда тишина и покой.

Плюс — до «Кропоткинской» недалеко. Или — до «Смоленской», хотя туда топтать подальше будет. Это очень удобно, когда разные ветки метро рядом. Наша жизнь такая — никогда не знаешь, куда тебя вечером занесет.

Хотя меня редко куда-то заносит в последнее время. И сам не хочу, да и, если честно, — не зовут никуда особо. Да и раньше не звали, еще в институте. Это Винокуров у нас фейерверк, вокруг него даже воздух искрит. Шутки, прибаутки и все такое прочее, включая восхищенные взгляды девчонок из кредитного и даже операционного. Просто последних чем-то удивить сложно, они с клиентами работают, а это полностью отбивает все чувства — от удивления до отвращения. На «текучке» сидеть — это, я вам скажу, еще то удовольствие.

Так вот — он такой, а я... Я не умею вот так создавать вокруг себя праздник. И рад бы, да не получается так, как у Пашки. Хотя, что врать — хотелось бы.

Нет-нет, я тюфяком никогда не был, но и в заводилах сроду не ходил. Не хватает мне для этого чего-то. Чего именно — не знаю. То ли напористости, то ли уверенности в себе, то ли еще чего. Например — харизматичности.

Светка говорила, что я просто не умею в нужный момент подать себя соответствующим образом и проявить необходимую гибкость и предприимчивость. Ну это я красиво завернул, так-то она меня просто «тюленем» называла. Но смысл-то этот?

Ну да, не умею. Дома решаю вечером — пойду и потребую. А на работе как-то не выходит реализовать задуманное. То не ко времени, то еще что. Или просто ежедневная карусель закружит, и вспоминаешь о задуманном только по дороге домой.

Потому, наверное, и сижу на своей должности уже третий год без повышения. Не скажу, что меня это сильно расстраивает, но все-таки немного обидно, что Людка Кузнецова, пришедшая через год после меня и у меня же обучавшаяся, уже заместитель начальника отдела, а я все

так и роюсь в проводках предыдущего дня, отыскивая среди них сомнительные операции.

Успокаивает только то, что я не один такой. Имя нам — легион. И успокаиваем мы друг друга на перекурах фразами вроде:

— Зато нам любая проверка пофигу. Отдуться-то начальникам, а мы свое дело сделали — и домой.

Сомнительное утешение, но лучше такое, чем никакого.

Вот так, за размышлениями, я пробежал половину Гоголевского бульвара и был совсем рядом с переходом, за которым начинался Сивцев, но тут меня остановил женский оклик:

— Молодой человек, вы не можете? Тут бабушке плохо, надо его хотя бы поднять, что же он так лежит? А нам не справиться.

Я посмотрел налево — и верно, на скамейке боком лежал тучный старик с багровым лицом, а около него суетились две женщины. Как видно — молодые мамы, поскольку рядом с ними стояли прогулочные коляски с карапузами, с интересом наблюдавшими за происходящим.

— Не можем поднять, — жалобно посмотрела на меня одна из женщин, миниатюрная брюнетка. — Очень он тяжелый. «Скорую»-то мы вызвали уже, да пока она сюда доедет.

— Может, тогда лучше и не трогать? — резонно предположил я. — Пусть себе лежит. Пошевелим его, а в голове бабушки какой сосудик лопнет, еще хуже все станет.

Не скажу, что мне было трудно им помочь, но мне эта идея не очень понравилась. Сейчас я его подниму, он, не дай бог, крикнет, и быть мне крайним.

— Надо, — с уверенностью человека, который превзошел все тайны медицины, сказала брюнетка. — Я читала. И у Малышевой видела в программе. Или не у Малышевой? В общем — надо.

Ну раз у Малышевой — тогда конечно. Да и что теперь? Остановившись рядом со скамейкой, я все равно опоздал и тем самым обрек себя на очередную объяснительную. И штраф.

Я перекинул ремень «самсонайта» через шею, чтобы сумка не мешала, и посмотрел на старика.

Глаза у него были плотно закрыты, он трубно сопел красным широким носом, чем-то напоминая закипающий чайник, на виске дергалась жилка. Как видно, ему и впрямь было лихо.

Под мышками белой, в мелкую клетку, рубахи у него расплылись темные пятна, что и неудивительно — утро выдалось жарким, благо июнь на дворе, а масса тела у деда изрядная. Еще подниму ли, что-то я в этом засомневался.

— Ну-ка, отец, — я чуть присел, подхватил его под руки, чуть поморщившись от ударившего в нос запаха старости и пота. — Что же это тебя так растопырило-то?

— Так годы, — заставив меня вздрогнуть, басом ответил дед. — Дожали, проклятые.

Напрягая все свои скромные силы (я не спортсмен от слова «совсем») мне удалось усадить старика. Сделав это, я плюхнулся на скамейку рядом с ним.

— Дедушка, может, вам таблетку? — спросила у него сердобольная брюнетка. — У меня, правда, нитроглицерина нет и валидола тоже, но есть «ношпа».

— Что мне твоя таблетка? — так и не открыв глаза, спросил у нее старик. — Все уже, пора мне за кромку. Тут лекарства не помогут, тут другое надо.

— Зря вы так, — вступила в беседу вторая женщина, в отличие от своей подруги — блондинка. — Я вот недавно в журнале читала, что наша жизнь зависит от нас самих. Если говорить себе, что ты здоров, то и будешь таким. Если в это по-настоящему верить, имеется в виду. Нет, медицину со счетов списывать не следует, это само собой, но эмоциональный настрой, постоянный позитив очень многое решает.

— Ну да, ну да, — расхохотался дед, показав на редкость хорошие для своего возраста зубы. Может — вставные? — Скажешь — не болят кишки, вот они и пройдут сами по себе.

Смех, похоже, подкосил его окончательно, поскольку он сразу же закашлялся, хрипло задышал и приложил руку к правому боку.

— Плохо, — сообщил старик нам и наконец открыл глаза. — Не поможет мне вера, вот какая штука, девки. Не может помочь то, чего нет.

Женщины поджали губы, как видно, слово «девки» им не сильно понравилось.

Судя по всему, дед был плох, но прямо сейчас богу душу отдавать не собирался, потому я счел свою миссию выполненной. Я не медик, что мог — то сделал.

— Пойду, — я встал со скамейки. — Просто мне на работу пора.

— Спасибо тебе, парень, — прогудел старик, повернув ко мне голову. — За помощь — спасибо.

Я пересекся с ним взглядом и немного опешил. Это у него линзы, что ли? Просто до того я не видел у людей такого радикально-зеленого цвета глаз. Я вообще не очень хорошо разбираюсь в их цветах. Кто-то вот различает карие глаза и голубые, а по мне все они на одну колодку. Но тут все было очень уж ярко выражено.

— Да не за что, — я глянул на экран смартфона, который достал из кармана, и убедился, что точно опоздал. — Все мы люди, все мы человеки.

— Спорный вопрос, — заметил старик, закашлялся, а после вытер рот рукавом рубашки. — Можешь мне поверить. Да постой, куда собрался? Скажи, ты из городских?

— В смысле? — не понял вопроса я.

— Родом из города? — уточнил старик.

— Ну да, — меня, если честно, он начал раздражать.

Ну вот какое ему дело до того, где я родился? И потом — не люблю я откровенничать с незнакомыми людьми.

— А родители твои — тоже городские? — настырничал он.

— И родители, и родители родителей, — добавив в голос сарказма, ответил я. — Дедушка, я пойду, извините. Времени совсем нет.

— Да и нам пора, — сообщили почти в унисон женщины с колясками.

— Плохо, — пожевал губами старик. — Городской, да еще и обормот, похоже, изрядный. Вон рубашка-то из штанов торчит. Иэ-э-эхх... Ладно, парень, держи руку, что уж теперь.

Я не понял сначала насчет рубашки, но, бросив взгляд вниз, сообразил, о чем говорит странный дед — вылезла она

немного из-под ремня. Тоже мне, модный критик. Бывает. Не из ширинки же?

Заправив ее, я заметил, что дед так и не опустил руку, протянутую мне. Мало того — он внимательно смотрел на меня, явно ожидая ответного жеста.

Надо пожать — пожму, ничего такого здесь нет. Может, после этого он от меня отстанет, и я наконец-то с чистой совестью отправлюсь на работу?

Широко улыбнувшись (люди это любят) я сжал его широченную ладонь. Точнее — попробовал это сделать.

— Тонковат в кости. Эх, городские! — просипел дед, сжимая мою руку. — Ладно, ничего. Главное, чтобы стержень внутри был, чтобы сдюжил. Чтобы, значит, не пропало...

Что он имел в виду под словом «не пропало», я так и не понял. Да и когда? Дед закрыл глаза, его рука сжалась как клещи, сдавив мою ладонь так, что я даже взвыл от боли, но это были еще цветочки.

Ягодки начались через пару секунд. Меня как молнией от головы до пят пробило, это точно был электрический разряд, его ни с чем не спутаешь. В детстве я как-то мамину шпильку в розетку засунул, так что ощущения помню прекрасно. Как вообще меня тогда не убило, до сих пор голову ломаю.

Вот и здесь было то же самое. Меня пару раз потрянуло, я попробовал вытащить свою руку из железного захвата старика, но сделать этого не удалось. А потом в голове что-то бумкнуло, перед глазами рассыпался яркий пучок искр, и я потерял сознание.

— Помер он, — именно это было первое, что я услышал, когда пришел в себя. — Не дышит. А твой?

Мне на лицо полилась какая-то жидкость.

— Вроде живой, — неуверенно произнесла брюнетка, голос которой я узнал.

— Живой, — недовольно сказал я и открыл глаза. — Все-все, не лейте больше!

Представляю, что стало с воротником рубашки. Да что с воротником, с моим внешним видом в целом. Лежание на земле, пусть даже она и находится на облагороженном

и аккуратненьком Гоголевском бульваре, не способствует сохранению опрятного внешнего вида.

Что это было-то? Что меня дернуло так, что я даже сознание потерял? Ерунда какая-то.

— Ну хоть этот в порядке, — обрадовалась вторая женщина и испуганно посмотрела на деда, который так и сидел на скамейке, снова закрыв глаза.

Хотя — нет, не так. Проглядывала в его облике какая-то неуловимая деталь, безоговорочно свидетельствующая о том, что этот человек не спит, не думает о чем-то, а мертв. Какая-то фатальная расслабленность была видна сейчас в позе старика, слишком уж умиротворенное лицо, у живых такого не бывает.

Говорят, что раньше, в старые времена, люди мертвецов боялись. Не в мистическом смысле, ходячие трупы бывают только в фильмах ужасов, а просто — не любили люди вида смерти. Такое уж свойство есть у человеческой природы — живое живым, мертвое мертвым. Нет, есть отдельные личности, которым Смерть сестра, подруга и сфера деятельности, но это скорее исключения из правил. Понятно, что медикам и полицейским без этого никуда, но остальные люди, с более мирными профессиями, старались держаться от мертвых подальше. Ясно, что совсем уж отстраниться от этого у них не получалось, но одно дело свой мертвец, дедушка там, или бабушка, и совсем другое — совершенно незнакомый тебе покойник.

Три последних десятилетия отучили горожан, по крайней мере московское народонаселение, бояться подобного. «Ревущие девяностые», с их постоянными перестрелками и утренними трупами на улицах, в результате отбили у людей привычку с воплями шарахаться от мертвых тел. Как, впрочем, и без особой нужды их трогать, чтобы не нажить себе лишних проблем. Одно время было так — кто нашел покойника и о нем сообщил куда следует, тот и есть злодей-убийца. Циничные же «нулевые», в которые я рос, в свою очередь выработали дополнительный защитный рефлекс при виде чужой боли, бед и смерти, добавив людям некую толику равнодушия. Что поделаешь — люди смертны. И потом — все там будем. Со своими бы проблемами разобраться.



ЗНАКИ НОЧИ

Все персонажи и события данной книги выдуманы автором.

Все совпадения с реальными лицами, учреждениями, местами, банками, телепроектами и любыми происходившими ранее или происходящими в настоящее время событиями — не более чем случайность. Ну а если нечто подобное случится в ближайшем будущем, то автор данной книги тоже будет ни при чем.

Автор

Глава первая

— Если ты не перестанешь на нас так смотреть, то мы разбудим нашего повелителя, — сообщила мне грудастая русалка Лариска. — Да-да-да!

— Врет она, — презрительно опроверг слова Лариски Родька, и сплюнул на завертевшегося на крючке червяка. — Ей в радость, что ты на ее титьки пялишься. И повелителя у них никакого нет. В старые времена местным русалкам Речной Конь был указом, но его никто уже лет двести не видел. А местному водянику на этих склизких плевать. Он вообще почти все время спит, просыпается только весной, потому как в это время вода разливается, и ему от этого радостно. Да еще когда рыба икру метать начинает, он в эти поры рыбаков чересчур ретивых гоняет.

— А на Ильин день? — почему-то обиженно добавила еще одна русалка. Ее имени я не знал, но мне она нравилась больше, чем нагловатая Лариска.

— Точно, — признал свою оплошность мой слуга, который как раз забросил удочку в реку. — Еще после Ильина дня глаза продирает, чтобы утопить кого-нибудь. Традиция, как без этого? Эй, девки, если кто из вас мне на крючок старый сапог подвесит или корягу, то я вам такое устрою, что мало не покажется.

— Напугал! — вызывающе подбоченилась Лариска. — Клубок на ножках!

— Я в городе был, я жизнь повидал, — веско произнес Родька и нехорошо оскалился. — И скоро опять туда уеду, чего мне с вами сидеть тут, в глуши! А когда после вернусь, знаешь, чего привезу, знаешь?

— Чего? — язвительно поинтересовалась Лариска. — То, чего у тебя никогда не было?

— Химию! — вытаращив глаза, рявкнул Родька. — Не слыхала о такой? А она — есть! Накидаю вам в реку этой химии, все тут передохнете!

— Есть такая, — негромко сообщила немного опешившей Лариске немолодая русалка с седыми волосами, которая, похоже, была у них главной. Звали ее Серафима. — Лет сорок назад в Ведомку с полей эту самую заразу спустили, так в ней даже водомерки передохли.

— Ведомка! — надула губы Лариска. — Эту Ведомку воробей перейдет, лапок не замочит.

Я глядел на это все и в очередной раз офигевал. Ну сами посудите, какова картина — лето, ночь, луна, река. Вроде все ничего? Ну да, где-то так. Только вот на берегу этой реки расположилась теплая и очень необычная компания — я, начинающий ведьмак Александр Смолин, мой слуга Родька, существо неопределенного вида, более всего похожее на меховую старорежимную муфту, только с руками, ногами и непредсказуемым характером, да еще с десяток русалок разного возраста.

Мне, кстати, всегда казалось, что все русалки должны быть молодые и красивые. По определению. Так классики в книжках писали, и в кино так всегда показывали. Да оно и понятно — русалками, если верить сказаниям, становятся юные девушки, которые сиганули в воду по доброй воле. Как правило, из-за несчастной любви.

А вот и нет! Оказывается, не так все просто. Возраст здесь вообще не играет никакой роли, той же Серафиме на глазок сильно за сорок было. Тут все решает твоя жизнь до смерти, и только она. Если у утопившейся душа была чистая, не повинная ни в чем, то она сразу отбывает туда... Куда-то туда, где ей будет хорошо. Куда точно — не знаю. Раньше думал, что в курсе, а теперь ни в чем не уверен. Мир вокруг меня оказался более многогранным и многомерным, чем мне казалось еще совсем недавно. Настолько, что я теперь многое сомнениям подвергаю. Нет-нет, речь не о вере. Просто плоскости сместились, и чтобы все снова хоть как-то устаканилось, мне нужно время.

Так вот — русалки. Если душа чистая, она отбывает в облачные дали, а тело... Что тело? Как повезет. Может, его прибьет к берегу, и тогда делом займется полиция, а может, течение загонит под огромную корягу, которых в этой реке немало, и оно пойдет на корм рыбам и ракам.

И даже тот факт, что это самоубийство, тут не помеха.

А вот коли на душе у утопленницы был какой грех из серьезных, то дело плохо. Плавать ей в этих водах до скончания веков, гонять мальков да болтать с подругами ни о чем в лунные летние ночи на берегу.

И топить мужчин, которых сдуру на берега этой реки занесло. Потому как каждая невинно загубленная русалкой душа дает ей возможность хоть ненадолго ощутить биение жизни в своем холодном теле.

Кстати, судя по разговорам и обмолвкам, та же Лариска не одному загулявшему мужичку водорослями на дне ноги спутала. Была она русалка разбитная и веселая, но при этом проскальзывало в ней что-то очень недоброе. То ли во взгляде, то ли в голосе.

Насколько я понял, она топиться и не думала, просто шла пьяная через мостик, поскользнулась, да и свалилась в реку. Грехов за ней числилось где-то на пароход, начиная от неоднократного вытравливания нежелательных последствий греховных связей при помощи бабок-знахарок и до воровства по мелочи, потому в речной штат она была зачислена сразу же после того, как вода заполнила ее легкие.

Родька же на водных дев и вовсе внимания не обращал, у него другое было на уме. Сначала он из-под какого-то пня достал рыбацкую снасть, им же, как видно, давно и припрятанную, потом зубами отгрыз от ивы длинный хлыст, сварганил удочку и забросил крючок в воду.

— Ты нас, ведьмачок, особо ни о чем не пытай, — посоветовала мне Серафима, после того как я попробовал у них узнать, что за Речной Конь такой. Родьку об этом спрашивать было бесполезно, он уставился своими круглыми глазами на поплавок, сделанный из гусяного пера, и, по-моему, даже не дышал. — Не все мы тебе рассказать можем. У тебя земное, у нас свое, водное. Разные мы, понимаешь?

— Если честно, то не очень, — признался я. — Но как скажете.

— Ты лучше приходи через пару недель, как останний летошний денек настанет, — посоветовала мне Аглая. — Только не днем приходи, ночью, как у нас положено. Это особая ночь, ведьмак. Мы плясать под луной станем.

— Прекрати немедленно! — цыкнула на нее Серафима.

— Я приглашаю тебя, ведьмак, — блеснули в свете луны глаза Аглаи. — Приходи, буду ждать.

— Дура девка, — подытожила Лариска. — Но ты, если придешь, то гребешок мне захвати.

— И мне, и мне, — раздались голоса русалок.

Что за гребешки-то? Те, что едят, или те, которыми причесываются? Надо у Родьки уточнить.

— Если приду — принесу, — сказал я. — Но обещать не стану. Просто я сегодня в город возвращаюсь. Пора. Отпуск кончается.

— Я буду тебя ждать, — настойчиво повторила Аглая. — Не пожалеешь.

— Ключет! — заорал в это время Родька и дернул удилице. — Здоровенная рыбина! Линь небось! Или лещ большой, со сковородку размером!

Это оказался не линь и не лещ. На крючке висело оплетенное водорослями и почерневшее от воды и времени древнее сиденье от унитаза, то, которое в народе называли «стульчак».



Глава вторая

Никогда не подозревал, что Родька может быть настолько мстительным. Нет, бесспорно, знакомы мы были недолго, но мне казалось, что я вроде как разобрался в характере своего новообретенного слуги.

Кстати, на редкость нелепо звучит — «своего слуги», никак не привыкну. В жизни бы не подумал, что у меня появится слуга. У нищих, как известно, их нет. А я, по сути, он и есть. Ну не совсем бомжатка, разумеется, но недалеко от этого состояния ушел. Как, впрочем, подавляющее большинство населения этой планеты в целом, и конкретной страны, в которой я проживаю, в частности. Само собой, что на вечере встреч выпускников и при общении в социальных сетях с давними знакомыми я с гордостью причисляю себя к «среднему классу», и даже привожу аргументы, подтверждающие данный факт, но, по сути, это не более чем способ самоутверждения. Правда, радует то обстоятельство, что я не один такой.

Любой из нас, клерков, в плане трудоустройства уязвим невероятно, причем неважно, в какой сфере кто работает. Банки, трастовые компании, туристический бизнес — везде есть мальчики и девочки, которые привычны к десятичасовой постоянной улыбке, умеют набирать текст на клавиатуре «вслепую» и отвечают на телефонный звонок даже дома отработанной до автоматизма фразой: «Добрый день, меня зовут Виктор, чем я могу вам помочь?». Но, по сути, это все, что они умеют.

Нам хорошо, когда все в стране хорошо. А вот как только ее шатнет чуть посильнее, тут-то веселье и начинается. Первыми с работы вылетаем мы, люди из младшего и среднего звена. У власть предержащих в компаниях, трастах и холдингах свои законы, взаимосвязи и пакеты акций, пусть с одним процентом, но все же. А нам хвататься не за что, поскольку ни соломинки, ни даже гадюки, как в народной пословице, нашему брату никто не протянет.

Ну а мы с какого-то момента во внутренних разговорах «кадровиков» перестаем быть Александрами, Аленами, Юлиями, Владимирями и приобретаем новый статус —

Содержание

ЧУЖАЯ СИЛА. <i>Роман</i>	5
ЗНАКИ НОЧИ. <i>Роман</i>	386